

1

В конце мая в нашем городе начинался курортный сезон. К этому времени просыхали после зимних штормов пляжи и желтый песок золотом отливал на солнце. Пляжи наши так и назывались «золотыми». Было принято считать, что наш пляж занимает второе место в мире. Говорили, что первое принадлежит какому-то пляжу в Италии, на побережье Адриатического моря. Где и когда проходил конкурс, на котором распределялись места, никто не знал, но в том, что жюри конкурса смощенничало, я не сомневался: по-моему, наш пляж был первым в мире.

Зимой и летом город выглядел по-разному, и зимняя его жизнь не походила на летнюю.

Зимой холодные норд-осты врываются в улицы и загоняли жителей в дома. Город казался вымершим, и в самых отдаленных концах его слышался разгневанный рев моря. Во всем городе работал один кинотеатр, в котором давали только три сеанса – последний кончался в десять часов вечера. Мы все дни и вечера проводили в школе и в Доме пионеров, а в наших собственных домах были редкими гостями.

Весь город делился на три части: Новый, Старый и Пересыпь. Наша школа была в Новом городе, в Новом городе был и курорт с пляжем, санаториями, курзалом\*. Курортники очень удивлялись, когда узнавали, что в нашем городе есть Пересыпь. Они почему-то воображали, что Пересыпь может быть только в Одессе. Чепуха. Море пересыпает пески, намывая вдали от берега песчаные дюны, не только в Одессе. И поселки, построенные на этих дюнах, называются Пересыпью во всех южных городах.

Витька жил на Пересыпи, а я и Сашка – в Новом городе. Сашка и Витька дружили с Катей и Женей – девочками из нашего класса. Я – с Инкой Ильиной; она была младше нас на два года. И хотя все мы жили в разных концах города, это не мешало нам каждый день после школы проводить вместе. Мы не искали уединения: вместе мы чувствовали себя свободней и проще.

В погожие воскресные дни мы уходили на курорт. Пустынные пляжи казались необыкновенно широкими. На черных металлических сваях возвышался «Поплавок». Он стоял без оконных рам и дверей, снятых вместе с мостиком, чтобы их не разбило штормом. На перилах террас и на крыше сидели птицы. Светло-зеленое море с белыми гребнями волн было враждебным и холодным. Время от времени птицы кричали, и в криках их слышались тоска и отчаяние.

Мы бродили в голых и озябших парках, и между деревьями белели здания санаториев с заколоченными окнами. Мы не могли долго выдержать тишины и заброшенности пустынных мест. Тогда мы

\* Курзал – помещение на курорте для отдыха, музыкальных вечеров, танцев, выставок и т.д. (Здесь и далее: *прим. ред.*)



она чего-то не хотела, было трудно. Все рушилось. Я представил, какими глазами посмотрю завтра на Инку, но это не помешало мне думать о яичнице с колбасой.

Я вышел на кухню, распустил на сковороде масло и, когда оно закипело, положил толсто нарезанные кружки колбасы. Я смотрел, как они поджаривались, и ругал себя за легкомыслие. Потом я вылил на сковороду три яйца, подумал и вылил еще два. Пока я жарил и ел яичницу, я страдал от сознания, что ни на что серьезное, вероятно, не годен.

В комнате у мамы горел свет. Я подошел к двери и остановился на пороге. Мама сидела на кровати, и ноги ее в носках нелепого цвета не касались пола.

Она опиралась спиной о стену, губы ее были плотно сжаты, и верхняя прикрывала нижнюю. От этого заметней стали морщины вокруг рта и на подбородке. Неужели маму мог кто-нибудь любить так, как я любил мою Инку? Мне стало стыдно, и до сих пор стыдно за то, что я мог так подумать. Маме было сорок девять лет. На мой взгляд, не так уж мало. Но я знал: взрослых этого возраста называют еще не старыми.

— Мама, — сказал я. — Первый раз в жизни я настоящему нужен комсомолу. Неужели я должен отказаться? Ты бы отказалась?

Мама смотрела на меня так, как будто в первый раз видела.

— Володя, ты когда-нибудь брился?

Положим, я еще никогда не брился. И это очень хорошо было видно по шелковистым косичкам на моих щеках и по темному пушку над верхней губой. Но какое это имело отношение к тому, о чем я говорил?



– Я бы хотел уже ее вспоминать, – сказал Сашка.

А Витька ни на секунду не забывал о своем сиянке и поэтому изучал афишу. Его повышенный интерес к ней привлек внимание Сашки. На афише был изображен мужчина во фраке. Волнистые волосы разделял четкий пробор. Огромные красные буквы вещали, что имя этого человека Джон Данкер. А для тех, кто его не знал, чуть ниже сообщалось: «король гавайской гитары».

– Спорю, – сказал Сашка, – настоящая фамилия этого короля Пейсахович, и, прежде чем на него надели корону, он был приказчиком в Киеве у мадам Фишер.

– Откуда ты знаешь про мадам Фишер? – спросил Витька.

Наивный человек: больше всего его поражали подробности. Они мешали ему догадаться, что Сашка врет.

– Здравствуйте, – сказал Сашка. – Ты никогда не слышал о мадам Фишер? Ты не знаешь, что у нее был галантерейный магазин на Крещатике? Ну а о том, что в Киеве есть улица Крещатик, ты знаешь?

– Сашка, перестань, – сказал я.

Но остановить Сашку, когда он разоидется, было невозможно.

– Воротнички с фирменной маркой мадам Фишер были известны всему миру. Только такой невежда, как ты, может о них ничего не знать.

Витька смотрел на Сашку и недоверчиво улыбался. Витьку смущали воротнички. Как будто придумать воротнички было труднее, чем саму мадам Фишер.

Мостовую переходил почтальон. Сашка смотрел на его сумку как замороженный.

сияли, на щеках были ямочки от постоянной улыбки. Теперь-то Катиным ямочкам завидовали все девочки, а три года назад ее дразнили «булочка».

– Выходит, поп или нэпман\* может попасть в правительство? Я не согласен, – изрек Витька.

Он лежал на деревянном топчане, под головой у него была подушка. Женя уложила его, как только мы пришли с промыслов. Ему было неловко, но он лежал. Спротивляться Жене было бесполезно – это мы хорошо знали. Особенно не по себе Витьке становилось, когда на террасу выходила Женина мать и смотрела на нас. Витька краснел и глупо ухмылялся.

Катя молчала. Ей так нравилось объяснять, она так радовалась, – и вот пожалуйста! Катя просто растерялась от Витькиного вопроса. Она всегда терялась, когда ее сбивали с мысли. Катя смотрела на Сашку. А на кого еще она могла смотреть? Сашка в таких случаях немедленно приходил к ней на помощь. Так было и на этот раз.

– Видали, он не согласен, – сказал Сашка. – Ему не нравится поп.

– А тебе нравится?

– Мне тоже не нравится... Теоретически его можно выбрать, а практически – кто будет его выбирать? Надеюсь, не ты?

– Все ведь так просто, – сказала Катя.

Она очень не любила, когда спорили.

– Понимаешь, Вита, – сказала Женя. – Для того чтобы тебя выбрали, надо же, чтобы кто-то выдвинул твою кандидатуру. Кто, например, станет выдвигать Жестянщика? А ведь Жестянщик даже не лишенец. Понял?

\* Нэпман – частный предприниматель, торговец эпохи нэпа (нэп – новая экономическая политика в России 1921–1928 гг.).



Мы любили Веру Васильевну. Но у нее, на наш взгляд, был один недостаток, который мы не могли ей простить: она старалась казаться моложе своих лет. Вера Васильевна подкрашивала и завивала волосы, выпуская на лоб легкомысленный локон. С учителями-мужчинами она разговаривала, щури голубые глаза. Инка говорила, что она щурит глаза потому, что еще не потеряла надежду выйти замуж. В чем в чем, а в таких делах Инка разбиралась.

Вера Васильевна, проходя мимо нашего стола, сказала:

– Поздравляю. Поздравляю и горжусь.

Потом она разложила на экзаменационном столе билеты, посмотрела на нас и улыбнулась. Она не вызвала нас, а лишь показала рукой, чтобы мы подошли.

– Собственно, экзамен они уже выдержали, – сказала она, повернувшись к представителю горono.

– Несомненно, – ответил тот.

Я и Витька не спешили брать билеты: зачем рисковать? Мы посмотрели на Веру Васильевну: шутит она или нет? Но Сашка уже схватил билет и, даже не прочитав его, заявил, что готов отвечать. Стоило Сашку похвалить, и он сейчас же терял способность соображать.

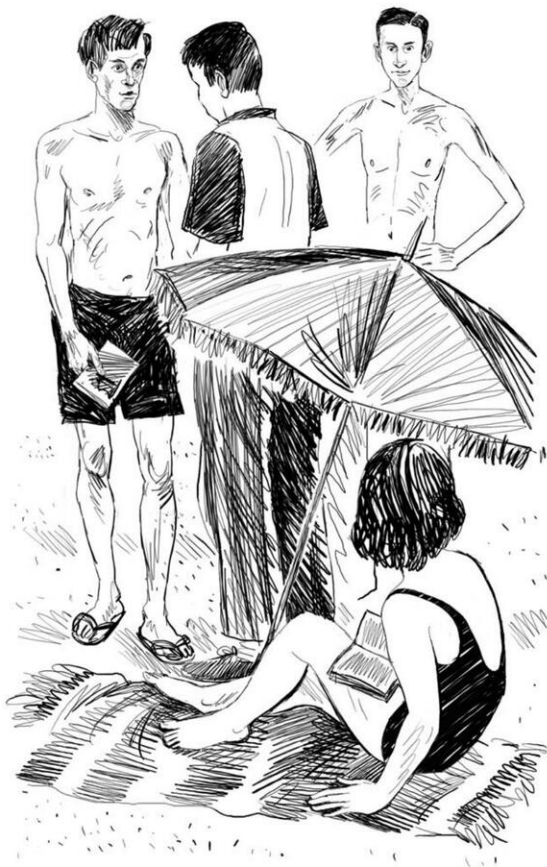
Пришлось и нам тянуть билеты.

Это был наш последний экзамен.

В жизни у нас было еще много экзаменов, но сдавали мы их не в школе.

## Инка, моя Инка





Знакомясь с нами, она положила на полотенце книгу, и я прочел: И. Бабель. «Рассказы».

– «Об чем думает такой папаша? Он думает об своих конях, об дать кому-нибудь по морде и об рюмке водки», – сказал Сашка. Он намекал, что довольно основательно знает писателя, книгу которого читала женщина.

Зоя улыбнулась, но выражение ее глаз осталось прежним.

– Чудесный писатель, – сказала Зоя. – Когда читаешь его, собственное горе кажется не таким большим. Помните рассказ «История моей голубятни»?

– Спрашиваете! А «Гюи де Мопассан!» Помните – «а я смотрел на жизнь, как на луг в мае, по которому гуляли женщины и кони?..» Это же с ума сойти.

Игорь повернулся и протянул мне книгу. Это были «Дебюты и ловушки» И. Разина. Я посмотрел на Игоря, потом снова на книгу и покраснел. Я открыл обложку. Наискось на титульном листе было написано:

«Володя! Ты прав: шахматы – не карты. Если ты об этом всегда будешь помнить, из тебя может выйти хороший шахматист.»

*Преподаватель математики Ленинградского университета, по совместительству шахматист-неудачник*

*И. Разин».*

Я читал надпись, а Игорь говорил:

– Случайно захватил экземпляр. Думал подновить его на досуге для нового издания. Так что извини меня за пометки.



гривами вспухали до самого горизонта, и над ними взлетал грязно-серый треугольник паруса.

– Идут, – сказал я и оглянулся.

Инка сидела, спрятав лицо в ладони. Я посмотрел на море. Яхта шла по касательной к берегу под грот-парусом, наполненным в четверть ветра. Так и надо было идти. Наверно, на руле сидел Витька. Через десять минут такого хода надо было делать поворот, чтобы яхту не выбросило на берег. Я снял рубаху, и помахал ею над головой, и снова ее надел. Потом оглянулся. Инка не поднимала головы. Я сошел с дороги. Шагах в двух передо мной с грохотом рассыпалась волна. Пенная волна, смешанная с песком, захлестнула мои ноги. Вода схлынула, вырывая у меня из-под ног песок, и я побегал. Навстречу мне неслась полуметровая волна, и на уровне моих глаз просвечивал на солнце ее мутно-зеленый гребень. Я упал головой вперед и прижался грудью к мокрому песку, крестом распластав руки. Волна прошла надо мной, приподняв меня. Я вскочил и побегал, и схлынувшая вода ударила меня по ногам, и я снова лег, и новая волна прошла через меня, и я снова, вскочив, бежал, оглохнув от рева, навстречу мутно-зеленой стене. Только раз я не успел вовремя поднырнуть под волну, но это уже было у самого края берега. Волна толкнула меня в грудь, приподняла и опрокинула, и схлынувшей водой меня вынесло в море. Меня подняло на волну, и, падая вниз, я увидел яхту: Сашка упирался ногой в палубу, одной рукой обнимал мачту, а в другой держал канат. Он смотрел на меня, выжидая удобный для броска момент. Я изо всех сил старался держаться на одном месте лицом к яхте, чтобы не прозевать, когда Сашка бросит мне конец. Он бросил, когда меня подняло

Мама вышла, а я стал искать портфель. На диване, где вчера лежал портфель, лежала мамина куртка. Я не сразу догадался ее поднять, а когда поднял, увидел портфель: он лежал под курткой. Вышла мама в своем кеши.

– Возьми куртку на всякий случай, – сказала она. – Если не понадобится, выбросишь. – Мама оглядела комнату, как будто уезжала она, а не я. Мы вышли через кухню. Дверь запирали я и, когда запер, протянул маме ключ. Она посмотрела на ключ, потом на меня.

– Это же твой ключ, – сказала она. – Нет-нет, ключ оставь у себя.

Утро было прохладным и ветреным, с просветами солнца. Мама дошла со мной до трамвайной остановки. Я сел в задний вагон и, как только тронулся трамвай, зажал между ногами портфель и ногтями подпорол нитку на поясе брюк. Я сорвал внутренний карман, переложил деньги в кошелек, а тряпку выбросил. Куртку я, конечно, не взял, и мама этого не заметила. Я знал, что она не заметит. На перроне меня встретил Алеша и повел в вагон показать мое место.

– Никого еще нет? – спросил я.

– Витька и Павел здесь.

На перроне было очень много провожающих: проводы на курорте – тоже один из видов развлечений. Больше всего людей толпилось возле двух московских вагонов. На второй путь пришел утренний поезд из Симферополя. Пробежал Женин отец, выкрикивая:

– Предлагаю комнаты. Прекрасные комнаты на любой вкус и карман.

Пришел Сашка с родителями, потом появились Катя и Женя. Они вышли из зала ожидания: наверно,





– Нет. У тебя деньги есть? Купи мне черешни. Я шла через базарчик и видела черешню.

Мы вышли из палисадника.

– Сашка и Витька тебя видели. Ты к ним не пойдешь?

– Нет.

На пристанционном базарчике я купил Инке большой кулек черешни. Я обнял Инку и поцеловал. Мы поцеловались торопливо, потому что стеснялись посторонних. У Инки были полные глаза слез, но она не плакала. Она пошла от меня, и на ходу ела черешни, и сплевывала под ноги косточки.

– Из молодых, да ранние, совести нет, – сказала женщина, торговавшая шкатулками из ракушек.

Я стоял и смотрел, пока Инка не повернула за угол, а потом сказал:

– Тетенька, а зачем человеку совесть?

– Оно и видно, что тебе она ни к чему.

Я не стал говорить с этой разомлевшей от жары женщиной. На первом пути стоял наш поезд. На перроне на меня налетел Сашка и начал орать:

– Где тебя носит? Я обегал всю станцию.

– Не ори, – сказал я. – Ходил смотреть город.

– Инку видел?

– Померещилась вам Инка.

– С ума сойти. Я же видел ее собственными глазами.

– Надо было подойти.

– Но она шла на станцию. Кто мог подумать, что она идет не к нам?

Мы прошли к нашему вагону. Возле него стоял Витька.

– Ты слышал? Оказывается, Инка нам померещилась. Оказывается, мы с тобой психи, – сказал Сашка.

Витька смотрел на меня и молчал. К вагону подошел Павел. У него блестили глаза, и он несколько раз провел рукой по воздуху, прежде чем ухватился за поручни.

– В Джанкое буду опохмеляться. Разбудите, – сказал он.

Пробило три звонка, и пассажиры бросились к вагонам. Мы прошли до второго тамбура. Я остался в тамбуре. Сашка тоже хотел остаться, но Витька толкнул его в вагон. За станцией горячий ветер ворвался в отворенную дверь. По глазам ударило море – густо-синее, в белых барашках. На пустой дороге я увидел маленькую фигурку, и на таком расстоянии не понять было, идет она или стоит на месте. Я спустился на последнюю ступеньку и провис на поручнях. Ветер рвал на мне рубашку, близко под ногами пролетала назад земля.

– Инка, моя Инка!

Ветер заталкивал в рот слова, а грохот поезда заглушал голос.